

323743

63.3(44)

Д42

14

21

ПОВѢСТЬ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

съ его портретомъ.

СОСТАВИЛЪ

А. АНДРІЯШЕВЪ.

у. в.

*Т. ХХ
Ст. 529*

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (И. І. Завадзкаго).

1883.

Изданіе Редакціи Кіевского Народнаго Календаря.

1
9-65

104

повѣсть

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

съ его портретомъ.

СОСТАВИЛЪ

А. АНДРІЯШЕВЪ.

Ст. III // 529

Запорізька обласна
БІБЛІОТЕКА
и. М. ГОРЬКОГО

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (І. І. Завадвлаго).

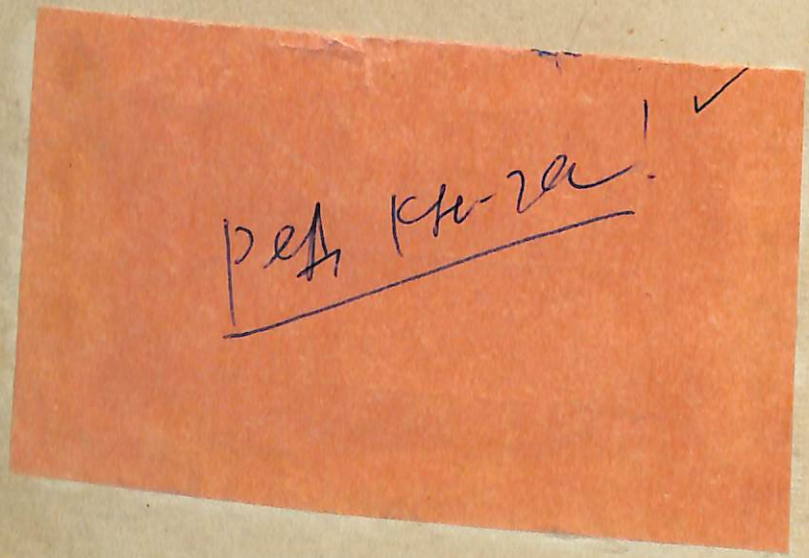
1883.

Изданіе Редаціи Кіевскаго Народнаго Календаря.

1945

323743

624041

Н. КИММЕЛЬ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ВЪ РИГѢ.

ПОРВЕТЪ

ПОРВЕТЪ

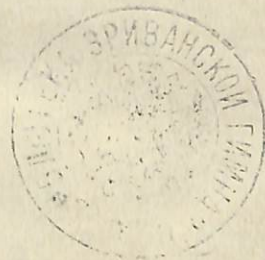
1883

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24 Сентября 1883 года.

ПОРВЕТЪ

1883

Кіевъ
1883
Издана Подольскій Кіевскій Народный Казначейства

Состояніе Юго-Западной Руси подъ владычествомъ Польши въ 16-мъ и въ началѣ 17-го вѣка.

Русское государство основано тысячу лѣтъ назадъ тому. Всѣ земли отъ Галиціи и Волыни до Москвы и Новгорода и весь народъ, жившій на этихъ земляхъ— все то была одна Русская земля, одинъ русскій народъ, которымъ правили свои природніе, русскіе государи. Св. равноапостольный князь русскій Владиміръ крестился самъ и крестилъ все свое государство въ вѣру православную, которую принялъ отъ Грековъ. Съ той поры русскій народъ православную вѣру сталъ называть своею русскою. Долго русское государство съ 10-го по 13-й вѣкъ стояло цѣлымъ, и православная вѣра держалась въ немъ крѣпко, нерушимо; но Божіимъ поущеніемъ, вслѣдствіе внутреннихъ усобицъ, Русь стала ослабѣвать. Въ 13 вѣкѣ постигло ее великое несчастіе. Несмѣтныя орды татарскія явились изъ глубины Азіи, разорили русскіе города и побили много народу. Съверо-восточная Русь подпала тогда власти татаръ, а опустошенная татарами Русь юго-западная соединилась съ Литвою и образовала литовско-русское государство. Жили литовцы съ русскимъ народомъ мирно и согласно, все у нихъ было за одно;

они стали говорить и писать русскимъ языкомъ, а нѣкоторые даже окрестились въ православную вѣру, словомъ, стали всѣ почти русскимъ народомъ. Въ это время Польша была маленькимъ и слабымъ государствомъ. Ея малоплодородная земля едва кормила народъ. Жилось лучше только польскимъ панамъ и ксендзамъ, которые всѣмъ заправляли въ государствѣ. Поляки съ завистью смотрѣли на богатя и привольныя русскія земли и стали думать, какъ бы все русское богатство прибрать въ свои руки. Бъ стати для поляковъ случилось въ это время, что на престолъ Польскій взошла въ концѣ 14-го вѣка молодая дѣвушка, королева Ядвига. Придумали польскіе паны выдать за мужъ свою королеву за литовско-русскаго государя Ягайла. Стали говорить они литовскимъ и русскимъ людямъ: „будемъ братьями, станемъ жить, какъ одна семья, одно государство. Пусть вашъ государь женится на нашей королевѣ, будетъ вашимъ и нашимъ королемъ; вы будете намъ помогать въ бѣдѣ, а мы вамъ, и хорошо намъ будетъ вмѣстѣ.“ Далась въ обманъ русскіе, согласились, но не довѣряя полякамъ, рѣшили такъ: „король у насъ будетъ одинъ, но онъ одинъ годъ въ Польшѣ, другой въ литовско-русскомъ государствѣ будетъ жить. Поляки не должны ни жить на русскихъ земляхъ, ни покупать этихъ земель, а сидѣть имъ въ своей Польшѣ.“ Сильно не нравился полякамъ такой уговоръ; имъ нужна была не дружба русская, а русская земля, русская неволя. Но какъ хитрый народъ, чтобы неупустить случая, поляки притворились, что на все согласны. Однако это были только одни слова; на дѣлѣ. вышло со всѣмъ иное. Какъ

только женился Ягайло на королевѣ польской Ядвигѣ сей часъ со всѣмъ своимъ штатомъ литовско-русскихъ пановъ попалъ въ руки польскихъ пановъ и ксендзовъ. Его уговорили перемѣнить православную вѣру на римско-католическую и русское имя Якова, на Владислава. За королемъ стали перемѣнять свою русскую православную вѣру на католическую, окатоличились и ополячились и литовско-русскіе паны. Приѣхали они домой на свои русскія земли, привезли съ собой ксендзовъ-поляковъ; стали строить костелы. Прочіе литовско-русскіе паны, желавшіе остаться вѣрными своей вѣрѣ и народности, сильно были недовольны на отщепенцовъ; но прошли десятки лѣтъ, смѣнились одни поколѣнія другими, потомки самыхъ завязтыхъ враговъ окатоличенія и ополяченія русскихъ, пошли по слѣдамъ окатоличившихся русскихъ пановъ. И не удивительно. Сдѣлаться полякомъ и по вѣрѣ и по языку было тогда очень выгодно. У королей польскихъ, потомковъ Ягайла, было принято за правило: кто одной съ ними вѣрѣ, тому у нихъ были и честь и богатство, тому и начальство надъ русскими людьми, а кто любилъ свое родное, тому не было жатья. И стали русскіе паны все солте и болѣе ополячиваться и принимать польскую, панскую вѣру. Шли годы за годами и православной вѣрѣ не измѣнили только духовенство православное и русскій народъ. Тогда поляки принялись за то, что имъ неудалось въ началѣ. Стали добиваться, чтобъ польскія и русскія земли соединились въ одну землю, чтобы по всюду было одно королевство польское, чтобы каждый полякъ могъ покупать, а также получать въ приданное и въ награду

отъ короля русскія земли и русскихъ людей; однимъ словомъ затѣяли такъ называемую люблинскую унію. Тогда русскіе люди, даже ополяченные, ясно увидѣли къ чему идетъ дѣло и возстали противъ уніи, не хотѣли подписываться на актъ соединенія съ Польшею; но ихъ стали считать измѣнниками отечества, а король отнималъ за это земли, грозилъ имъ тюрьмою. Такова то была присловутая, по словамъ поляковъ, добровольная люблинская унія 1569 г. Наѣхали тогда полки изъ Польши засѣли на русскихъ земляхъ, какъ саранча, и стали на Руси хозяйничать, какъ дома, забрали русскія земли и русскій народъ въ свою собственность. Всталъ и заговорилъ тогда противъ такой неправды простой русскій народъ, очутившійся на своей родной землѣ безъ земли и къ тому еще въ тяжкой неволѣ. Увидѣли паны, что дѣло плохо, начали думать, какъ бы русскій народъ обратить въ свою вѣру да покрѣпче закрѣпостить въ неволю. Придумали новую унію—*унію церковную* 1596 г. Нашлись измѣнники изъ русскихъ духовныхъ, которые изъ за выгодъ житейскихъ помогли этому дѣлу. Напрасно русскіе архіереи возражали противъ всякой уніи. Уніаты, поддерживаемые польскими панами, римскимъ духовенствомъ и королемъ, стали забирать православныя церкви и обращать въ унію народъ. Тогда для русскаго народа настало страшное время. Русскихъ православныхъ поляки и уніаты не считали за людей. Пошло съ той поры поруганіе на вѣру православную. Стали уніаты нападать на русскія церкви и присвоивать себѣ церковное имущество. Русскіе священники не отдавали этого имущества, народъ ихъ защищалъ.

Уніаты при помощи польскихъ войскъ бывало побьютъ священника, ограбятъ все, розгонятъ народъ. Идетъ священникъ по улицѣ съ св. дарами, причащаютъ умирающаго, на него кидаютъ камнями и грязью. Несутъ мертваго погребать и тутъ ругательства и забрасываніе процесіи грязью. А бывало и такъ, что люди тайкомъ держали священника и ночью крестили дѣтей, вѣнчались, служили по умершимъ панихиды. И вдругъ уніаты провѣдаютъ про это, нападутъ на православныхъ и силою заставляютъ ихъ молиться по уніатскому обряду, а кто не хотѣлъ исполнять такого требованія, того били и мучили. Стали паны польскіе называть православный народъ хлопами, схизматиками, собачьей кровью. Стали обременять народъ всякими поборами. Три раза въ годъ брали оброкъ хлѣбомъ—*осытъ*, завели *десятины* т. е. уплату десятой части дохода и отъ земли и отъ скота,—*очковое* часть дохода отъ всякаго улья пчель, *рогатое*—пошлину съ рогатаго скота, *ставишину*—пошлину за право ловить рыбу, *жолудное*—пошлину за право собирать жолуди, *сухомельшину*—пошлину за помоль муки. Но хуже всего то, что польскіе паны, не умѣя или лѣнясь лично управлять имѣніями, отдавали ихъ въ аренду и притомъ преимущественно евреямъ, а тѣ, какъ искусные пріобрѣтатели, придумали еще новые поборы; напр. изобрѣли подать подь именемъ *дудка*, которую крестьянинъ долженъ былъ платить, когда у него рождалось дитя, *пошмишину*—пошлину при выдачѣ дѣвушки за мужъ и друг. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еврей-арендаторы взяли даже къ себѣ ключи отъ церквей и все имущество церковное забрали подь свой присмотръ.

Хочетъ священникъ отслужить обѣдню, плати еврею, чтобъ позволилъ служить. Нужно повѣнчаться въ церкви, опять плати. Придетъ свѣтлый праздникъ Христовъ, хочешь освятить пасху, опять плати да еще и пасхальный хлѣбъ непременно купи у еврея. Даже были такіе случаи, что евреи заставляли служить обѣдню на своихъ просворахъ и строго на людали, чтобъ православные не подмѣнили еврейскихъ просфоръ своими. Такое-то страшное горе постигло усекій народъ въ его родной землѣ, политою его потомъ и кровью. Сталъ народъ бѣжать въ запорожье цѣлыми селами. Но уходя изъ польской неволи русскіе люди попадали изъ огня да въ поломя. На новыхъ мѣстахъ жительства они подвергаются новой бѣдѣ—постояннымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ, которые жили и обогащались главнымъ образомъ посредствомъ грабежей и въ особенности торговлей живымъ товаромъ т. е. людьми. Такое безпокойное положеніе заставило русскихъ переселенцевъ соединиться въ военныя дружины и подъ именемъ казаковъ вступить въ постоянную борьбу съ врагами христіанства. Съ этого времени казачьи поселенія, сначала только терпимыя поляками, какъ неизбежное зло, въ 16 вѣкѣ мало по малу оказали Польшѣ большія заслуги отраженіемъ татарскихъ набѣговъ. Польскіе короли дали казакамъ привилегіи, а главное право выбирать собственнаго начальника—гетмана. Такъ было дѣло до конца 16-го вѣка, пока не появились въ Польшѣ Іезуиты, рѣшившіе во что бы ни стало подчинить посредствомъ уніи русскій православный народъ панской власти, пока уніаты, руководимые іезуитами, не подняли

страшныхъ гоненій за вѣру, а русскій народъ, нежелавшій измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ, не былъ отданъ польскимъ правительствомъ на произволь пановъ и ихъ арендаторовъ. Паны польскіе такъ усердно принялись за обращеніе народа, что завели даже постоянныя висѣлицы для истребленія непокорныхъ. Народъ, не будучи въ состояніи стерпѣть такіе порядки, по не волѣ должны были уходить въ приднѣпровскія степи, все болѣе и болѣе пополняя собою рады казаковъ. Польскіе паны не могли спокойно смотрѣть на такую убыль рабочихъ рукъ и постоянно возбуждали правительство къ преслѣдованію казаковъ. Начались такъ называемыя казачьи войны, кончавшіяся каждый разъ новымъ сокращеніемъ правъ казаковъ. Наконецъ, дошло дѣло до того, что казачьи полки отданы были въ распоряженіе польскихъ старшинъ, которые, стремясь отнять у русскаго народа послѣднюю надежду на лучшее будущее, стали угнетать и поработать сямыхъ казаковъ. Это вызвало отчаянный взрывъ народныхъ страстей. Явился мститель за все польскія неправды, въ лицѣ Зиновія Богдана Хмельницкаго. Южно-русскій народъ, благодаря этому герою-груженнику земли русской выбился изъ польской неволи и, воссоединившись съ своимъ древнимъ отечествомъ, съ остальною Русью, успѣвшею еще раньше отбиться отъ татаръ и сдѣлаться могучимъ Московскимъ государствомъ, грудью отстоялъ свою свободу и независимость, свои человѣческія и гражданскія права, свою вѣру и народность.

Происхождение Богдана Хмельницкаго.

Зиновій Богданъ Хмельницкій былъ сынъ черкаскаго сотника Михайла Хмельницкаго. Время рожденія Богдана неизвѣстно, но судя по тому, что онъ вмѣстѣ съ отцемъ участвовалъ въ походѣ Сагайдачнаго противъ турокъ въ 1621 г. можно полагать, что онъ родился въ началѣ 17 или въ концѣ 16 вѣка. Съ молодыхъ лѣтъ Богданъ учился въ кievской братской школѣ и даже впоследствии изучалъ латынскій и греческій языкъ въ Варшавѣ. Поступивъ послѣ того въ козацьи полки, Богданъ Хмельницкій участвовалъ въ сраженіи при Цепорѣ, гдѣ видя отца плавающимъ въ крови, врубился въ ряды враговъ, былъ окруженъ татарами и взятъ въ плѣнъ. Два года томился онъ въ неволѣ, пока небылъ выкупленъ изъ плѣна. По возвращеніи на родину, Хмельницкій поступилъ на службу къ одному богатому польскому пану, который за какія то смѣлыя слова, сказанныя молодымъ человѣкомъ, подъ пьяную руку чуть неотрубилъ голову смѣлаго козака. Хмельницкій бѣжалъ въ Запорожье и тамъ прославился своими подвигами въ битвахъ съ врагами христіанства — татарами и турками. Возвратившись домой, онъ поселился, какъ вольный казакъ, въ своемъ родовомъ хуторѣ Субботовѣ и дослужился въ казачьемъ войскѣ до важнаго въ то время чина войсковаго писаря; но за участіе въ возстаніи противъ поляковъ подъ предводительствомъ Острияницы былъ пониженъ до званія сотника чигиринскаго полка. Въ это время польскитъ королемъ былъ Владиславъ IV, тотъ самый, который во время самоз-

ванщины чуть было не сдѣлался московскимъ государемъ. Онъ любилъ казаковъ и готовъ былъ даже искать въ нихъ помощи противъ своеволія польскихъ пановъ. Приготовляясь къ войнѣ съ турками, онъ далъ казачьему войску милостивую грамоту, увеличилъ число реестровыхъ до двадцати тысячъ, а также дозволилъ казакамъ построить чайки на случай войны. Но Черкасскій полковникъ Барабашъ, получившій грамоту короля на руки, припряталъ ее, въ угоду польскимъ панамъ, недовольнымъ воинственными планами своего короля. Между тѣмъ Хмельницкій безъ всякаго повода съ своей стороны подвергся тяжелой обидѣ. Подстароста или дозорца Конецпольскаго, какой то полякъ Чаплинскій, сдѣлалъ наѣздъ на хуторъ Богдана, въ отсутствіе этого послѣдняго. Зажегъ мельницу, забралъ пасѣку и ворвался въ домъ. Сына Хмельницкаго, десятилѣтняго мальчика, велѣлъ высѣчь и слуги такъ немилосердно исполнили приказаніе, что мальчишъ на другой день умеръ. Жену Хмельницкаго Чаплинскій взялъ къ себѣ и обвѣчался съ нею по католическому обряду. Напрасно Хмельницкій жаловался Конецпольскому, напрасно ходилъ по судамъ польскимъ; противъ родовитаго поляка нечего было и думать тогда русскому выиграть какое бы то ни было дѣло. Хмельницкій отправился искать правды въ Варшаву, но тамъ сеймъ отказалъ жалобщику подъ самымъ пустымъ предлогомъ. Тогда Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю; но Владиславъ самъ терпѣлъ въ то время не мало оскорбленій отъ польскихъ магнатовъ, недовольныхъ, что онъ безъ ихъ вѣдома задумалъ войну съ турками. „Знаю, сказалъ Владиславъ

Хмельницкому объ угненияхъ казаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. Пора бы, кажется, вамъ вспомнить, что вы воины и что у васъ есть сабли; кто мѣшаетъ вамъ постоять за себя.“

Тогда Хмельницкій увидѣлъ, что ему остается дѣлать. Возвращаясь изъ Варшавы, онъ останавливаясь въ каждомъ почти селѣ; вывѣдывалъ, что думаетъ народъ и вездѣ убѣждался, что русскій народъ, какъ одинъ человекъ, готовъ возстать на защиту своихъ правъ. Въ Чигиринѣ Хмельницкій прежде всего постарался завзвать къ себѣ Барабаша, напосылъ его, и когда тотъ спалъ, взялъ отъ него ключи и шапку и послалъ слугу вытребовать отъ пани Барабашевой королевскую грамоту. Вслѣдъ затѣмъ Хмельницкій собралъ секретную раду изъ старѣйшихъ казаковъ. На эту раду явился онъ съ королевскою грамотою и объявилъ, что нечего ожидать справедливости отъ польскихъ пановъ. „Пришелъ часъ“ воскликнулъ онъ торжественно, „стать на защиту своей родины. Самъ король, огорченный своеволиемъ шляхты, предоставляет намъ расправиться съ нашими недругами. Чего не вытерпѣли мы отъ пановъ! Вольности наши уничтожены, казаки обращены въ хлоповъ и топятъ панскія грубы (печки). Но что всего ужаснѣе, православленную нашу вѣру преслѣдуютъ; разоряютъ наши церкви; ругаются надъ святыней.“ „Нѣтъ возможности терпѣть далѣе, такія обиды, отвѣчали старшины. Пора взяться за сабли; пора скинуть ярмо ляшское.“

Богданъ Хмельницкій выступаетъ на защиту своей родины.

Слухъ о тайной радѣ скоро однако дошелъ до Конецпольскаго и до главнаго начальника войскъ польскихъ въ Украинѣ, короннаго гетмана Потоцкаго. Хмельницкаго схватили. Потоцкій приказалъ казнить его смертию; но арестовавшій Богдана русскій шляхтичъ Кречовскій по дружбѣ позволилъ обреченному на смерть бѣжать. Будущій гетманъ отправился въ Запорожье и тамъ встрѣтилъ общее сочувствіе. „Пріймаемъ тебе, Хмельницкій пане, хлибомъ, силой и щиримъ сердцемъ.“ говорили запорожцы, встрѣчая стараго сподвижника. Они готовы были поголовно идти на общаго врага; но осторожный Хмельницкій постарался прежде всего заручиться союзомъ съ крымскими татарами и тогда лишь двинулся противъ поляковъ. Потоцкій, смотрѣвшій на дѣло возстанія казаковъ слегка, говорилъ: „стыдно посылать большое войско противъ какой нибудь презрѣнной шайки отверженныхъ подлыхъ хлоповъ; чѣмъ меньшій отрядъ истребитъ эту сволочь, тѣмъ больше славы.“ Положили послать до десяти тысячъ войска, въ томъ числѣ до 6-ти тысячъ казаковъ, отправленныхъ по Днѣпру внизъ; съ остальными сынъ Потоцкаго, Степанъ Потоцкій, пошелъ сухимъ путемъ. „Иди, сказалъ отецъ сыну, и пусть исторія напишетъ тебѣ славу.“

Хмельницкій, выступившій изъ Запорожья 22 апрѣля.

1648 г направился къ устью р. Тясмина и остановился при трехъ балкахъ, носящихъ названіе по глинистому желтому дну—Жовтыхъ водъ (нынѣ Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда). За Хмельницкимъ слѣдоваль незначительный отрядъ татаръ до 4 тысячъ, подъ начальствомъ Тугай-Бея. Казаки укрѣпились въ своемъ лагерѣ и ждали появленія поляковъ. 4-го мая поляки стали показываться впереди русскаго лагеря; но козаки спокойно и стройно стояли, готовые дать отпоръ неприятелю; самаго Хмельницкаго не было въ лагерѣ. Съ опасностью жизни онъ пробрался на встрѣчу казакамъ, плывущимъ по Днѣпру и, при помощи казака Ганжи и преданнаго ему Кречовскаго, вошелъ въ сношеніе съ этими казаками и убѣдилъ ихъ оставить поляковъ и стать на защиту своей вѣры и народности. Вѣсть объ этомъ скоро распространилась на судахъ. „На всѣхъ байдакахъ, говоритъ лѣтописецъ, вспыхнулъ огонь ярости и гнѣва, у всѣхъ шести тысячъ сталъ одинъ умъ, одно сердце.“ Знамена польскія сброшены въ Днѣпръ; казаки рвали и топтали свои значки, какъ знаки рабства и малодушія; польская старшина перебита, погибъ и благопріятель польской шляхты Барабашъ. Вечеромъ того же дня (4 мая) 1648 Богданъ встрѣчалъ русскій отрядъ уже среди своего ополченія, сидя на бѣломъ конѣ, съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ написано было: „покой христіанству.“ „Кланяемся тебѣ, говорили барабашевцы, и приходимъ служить вѣрою и правдою церкви святой

и матери Украинѣ.“ Поляки, завидя полки Барабаша, сначала обрадовались, думая, что къ нимъ пришла помощь; но, увидѣвъ ошибку, пришли въ ужасъ. Хмельницкій далъ знать обо всемъ Тугай-Бею и просилъ его ударить въ тылъ неприятелю. На слѣдующій день, 5 мая, поляки, не подозрѣвая близости татаръ, бодро выступали въ бой, а Хмельницкій, выстроивъ свои войска, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „пришель часть за вѣру христіанскую постоять грудью. Самъ Господь намъ поможетъ. Вспомните славу дѣдовъ вашихъ, что разнеслась по всему свѣту! И вы одного съ ними дерева вѣтви. Добудьте же славы и рыцарства вѣчнаго. Кто за Бога, за того Богъ.“ Казаки бросились на польскій лагерь съ оглушающимъ крикомъ. Потоцкій приготовился встрѣтить первый натискъ. Но вдругъ сзади раздался крикъ: „алла.“ Появились татары. Поляки, окруженные со всѣхъ сторонъ, потерпѣли страшное поражение. Самъ Потоцкій тяжело раненъ и скоро умеръ. Вся польская артиллерія, до 20-ти пушекъ, досталась казакамъ. Отъ Жовтыхъ водъ и до урочища Княжихъ байраковъ, на пространствѣ трехъ верстъ, зеленое поле зарыбилось: „не цвѣтами весенними, а тѣлами панскими оно было усыяно; не по одному ляху осталась вдова,“ поетъ народная пѣсня, „не по одному заплакали дѣти сироты. Высынался хмель изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ, напились они жовтой водицы, да видно хмелю въ ней было много; не устояли паны на ногахъ, когда бѣжать пустились.“

Пораженіе Поляковъ подъ Корсунемъ.

Одержавъ блистательную побѣду, Хмельницкій устроилъ свою артиллерію и двинулся дальше. Польское войско подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго и польнаго гетмана Калиновскаго стояло близъ Черкассь. Паны не имѣли свѣдѣній отъ сына Потоцкаго; но тѣмъ не менѣе не сомнѣвались въ истребленіи „казачій сволочи“ и спокойно пировали. Незвѣстность перетолковали они въ хорошую для себя сторону и не внимали голосу благо-разумныхъ, убѣждавшихъ двинуть войска быстро впередъ, дабы не дать непріятелю усилиться посполитыми людьми, со всѣхъ сторонъ пробиравшимися къ Хмельницкому. Произошло разногласіе между главными начальниками войскъ, Потоцкимъ и Калиновскимъ, которые вообще не любили другъ друга. Въ это время какъ громомъ поразило спорящихъ пановъ извѣстіе о желтоводскомъ пораженіи, принесенное бѣжавшимъ съ поля битвы жолнеромъ. Поляки растерялись и не знали, что предпринять. Потоцкій велѣлъ устроить лагерь въ какихъ-то старыхъ окопахъ между Корсунемъ и Стеблевымъ; впереди возвели пять баттарей и поставили на нихъ пушки. Мѣстечко Корсунъ велѣно выжечь. Въ понедѣльникъ 15-го мая, въ виду польскаго войска появляется Хмельницкій. На пановъ напалъ страхъ; „они руки опустили, весь разумъ отъ нихъ отступилъ,“ пишетъ одинъ изъ современниковъ. Между тѣмъ Хмельницкій предпринималъ мѣры, чтобы затруднить полякамъ отступление и потому въ глу-

бокой лѣсистой долиною по дорогѣ въ Богуславъ, у такъ называемой крутой балки, на пути отступленія, польскихъ войскъ, приказалъ срубить и свалить въ кучу дерева и перекопать дорогу глубокимъ ровомъ; на возвышеніяхъ же по обоимъ сторонамъ дороги велѣлъ поставить пушки. Поляки не рѣшились вступить въ битву и начали отступать. Они двигались медленно, за ними послѣдовалъ Хмельницкій, напирая со всѣхъ сторонъ. Но вотъ польскія войска подошли къ крутой балкѣ. Польскіе обозы и пушки, съѣзжая съ горы, летѣли въ ровъ, а тутъ съ двухъ сторонъ палили русскія пушки, а сзади преслѣдовали казаки и татары. Польскія войска были разбиты. Вся армія была уничтожена или взята въ плѣнъ, всѣ военные припасы и пушки, а также громадная добыча достались побѣдителю. Пораженіе было ужасное и окончательное. Прекрасное весеннее солнце 16-го мая, освѣтило страшную картину. У крутой балки и по всему обратному пути польскихъ войскъ лежали массы убитыхъ и раненныхъ. Сами предводители, Потоцкій и Калиновскій, взяты въ плѣнъ и привезены въ казачій лагерь. Козаки толпились возлѣ этихъ магнатовъ. „Видишь, сказалъ Хмельницкій, увидѣвши Потоцкаго, какъ Богъ сдѣлалъ; ты хотѣлъ меня взять въ неволю, а между тѣмъ самъ попался въ нее.“ „Хлопъ, отвѣтилъ Потоцкій, чѣмъ отвѣтишь славному рыцарству татарскому. Оно побѣдило меня, а не ты съ твоею сволочью.“ „Тобою и тебѣ подобными заплачу,“ возразилъ Хмельницкій въ сознаніи своей силы.

На полѣ битвы немедленно отслуженъ благодарственный молебенъ о дарованной побѣдѣ. Три раза рускіе стрѣляли изъ пушекъ и ружей въ знакъ торжества. Хмельницкій задалъ пиръ и велѣлъ даже дать по чаркѣ водки родовитымъ шляхтичамъ. За тѣмъ собрана рада, которая рѣшила плѣнныхъ поляковъ, числомъ до 8-ми тысячъ, отдать татарамъ, въ награду за оказанную казакамъ помощь. Въ то же время послано извѣстіе о побѣдѣ и вмѣстѣ щедрые подарки въ Запорожскую сѣчь.

Усиленіе Богдана Хмельницкаго. Смерть польскаго короля. Битва при Пилявѣ.

„Ой высыпавъ хмилъ изъ миха, да наробивъ ляхамъ лиха“, поется въ народной пѣснѣ. И дѣйствительно желтоводская и корсунская побѣды имѣли громадное значеніе для русскаго народа. Они послужили сигналами для всеобщаго возстанія русскаго населенія противъ притѣснителей. Хмельницкій поддержалъ это народное движеніе своимъ универсаломъ, которымъ приглашалъ добрыхъ молодцовъ на коняхъ или пѣшими спѣшить въ полномъ вооруженіи для защиты своей отчизны и вѣры христіанской. Рускіе крестьяне долго изнывавшіе въ неволѣ, постарались свои плуги перековать на оружіе и двинулись на призывъ народнаго вождя. Со всѣхъ сторонъ народъ стекался толпами въ станъ Хмельницкаго возлѣ Бѣлой-Церкви. Хмельницкій всѣхъ принималъ и крестьянъ и мѣщанъ, дѣлилъ на полки и назначалъ начальниковъ вновь сформированныхъ войскъ. Скоро подъ началь-

ствомъ его образовалась армія до 80-ти тысячъ воиновъ. Съ такими силами можно было выступить смѣло противъ польской шляхты. И дѣйствительно, разосланные Богданомъ отряды или загоны быстро очистили Украину отъ польскихъ пановъ и евреевъ. „Повіяли витри буйни, поплы паны да все смутни, покидали свои пасики и левады, да и еврей свій крамъ въ коробочку склавъ, а казакамъ пятами наживавъ.“ Съ торжествомъ запѣли въ освобожденной сторонѣ:

„Та не має лучше, та не має краще
Якъ у насъ на України
Да не має ляха,
Да не має жида,
Не буде уніа.“

Среди народныхъ ликованій разнесся вдругъ слухъ о смерти Владислава IV. Въ Варшавѣ собрался сеймъ для выбора новаго короля; но прежде всего необходимо было подумать о главной опасности, угрожавшей государству со стороны казаковъ. На сеймѣ много спорили, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшили—немедленно собрать войско и приготовиться къ усмиренію казаковъ; но въ то же время, чтобы не позволить „казачьей сволочи“ идти дальше, придумали дать видъ, что Польша желаетъ мира и потому отправили къ Хмельницкому пословъ для переговоровъ. Наряжено посольство изъ нѣсколькихъ комиссаровъ, во главѣ которыхъ стоялъ русскій шляхтичъ православной вѣры панъ Кисель. Однако условія, или лучше сказать требованія, предложенныя Поляками

624041

Хмельницкая обласна

БІБЛІОТЕКА

М. ГОРЬКОГО

2

323743

были слишком невыгодны для русскихъ. Поляки сулили помилованіе, въ которомъ ненуждались и котораго не просили русскіе, а въ замѣнъ требовали выдачи оружія и казни предводителей загоновъ. Казацкая рада была раздражена такими требованіями. Хмельницкій ясно видѣлъ, что поляки хитрятъ и желаютъ обмануть его. „Вижу,“ сказала Хмельницкій, „что вы, разставляя сѣти, хотите обмануть и затѣмъ погубить насъ, какъ погубили Павлюка“.

Между тѣмъ собиралось польское войско сначала недалеко отъ Львова въ Галиціи, а затѣмъ подвинулось къ Константинову, на Воынь. Всего войска было до 36-ти тысячъ. Оно отличалось необыкновеннымъ богатствомъ и роскошью: луки на сѣдлахъ были изъ серебра, чепраки вылитые, стремена позолоченныя, кунтуши бархатныя, на шеѣ пановъ золотыя цѣпи. Золото и серебро, драгоценныя камни блистали на панахъ, вырядившихся на войну, какъ на балъ. За каждымъ паномъ шли рыдваны, нагруженные богатствами, везлись ванны и даже постели. Пирамъ съ музыкою не было конца. Храбрость пановъ на словахъ была чрезвычайная. „Господи Боже! говорили они, не помогай ни намъ, ни казакамъ, а только посмотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ негоднымъ мужичьемъ.“ Спокойно и безъ шума русскія войска выстраивались противъ польскаго лагеря, на берегахъ небольшой рѣчки Пилявы. Священники служили молебны. Хмельницкій, разѣзжая и устраивая ряды своихъ молодцовъ, убѣждалъ стоять крѣпко за вѣру. Русскіе, готовясь къ битвѣ, чужды были польской самона-

дѣянности. Старики удерживали жаръ молодежи. „Кто знаетъ, говорили они, можетъ быть и намъ прійдется положить голову, порадовать ляховъ! На все воля Бога“.

Сраженіе началось 20 сентября 1648 г. въ понедѣльникъ и съ успѣхомъ для поляковъ. Но на другой день разнесся въ польскомъ лагерѣ слухъ, что къ Хмельницкому пришли татары на помощь. Это навело ужасъ на пановъ, которые, и не догадывались, какой ничтожный татарскій отрядъ (не болѣе 4-хъ тысячъ) присоединился къ русскимъ. Хмельницкій умѣлъ поддержать страхъ въ польскихъ храбрецахъ, переодѣвши нѣсколько тысячъ своихъ казаковъ въ татарь. Въ среду, 22 сентября, казаки передоваго русскаго отряда, стоявшаго подъ начальствомъ полковника Чарноты за плотиною, увидѣвши движеніе противъ нихъ польской конницы, побѣжали назадъ черезъ плотину. Поляки, тѣшась легкою побѣдою, устремились за русскими и наткнулись, благодаря густому туману, на главный русскій корпусъ. Вдругъ они услышали грозный голосъ Хмельницкаго: „за виру молодцы, за виру.“ Русскіе храбро двинулись на неприятеля и смяли польскіе полки. Поляки обратились въ бѣгство. Между тѣмъ плотина была занята новыми польскими полками, столпившимися массами. Тогда одна часть русскихъ войскъ, перейдя рѣчку, ударила на наступавшихъ поляковъ въ тылъ, а Хмельницкій съ своими полками преслѣдовалъ бѣгущихъ съ другой стороны. Въ польскомъ лагерѣ распространился страхъ и трепетъ. Предводители польскихъ войскъ поспѣшили уѣхать. Войска польскіи

также обратились въ бѣгство. Тогда Хмельницкій со всѣми, силами бросился въ погоню. Шляхта пришла въ безпорядокъ и бѣжала опрометью, бросая на пути оружіе и все свое имущество. Побѣдителямъ достались всѣ богатства, которыми паны такъ щеголяли, а также и весь польскій лагерь. „Такова была кара отъ Бога за высокомеріе,“ пишетъ современникъ. „Добре выбрали паны на величье, шутили казаки, и бенкетъ на славу задали, только кошту багато положили.“

Переговоры о мирѣ и новая война. Битвы подъ Сбаражемъ и подъ Сборовымъ.

Разогнанные паны бѣжали во Львовъ. Хмельницкій и здѣсь ихъ нашель. Львовъ былъ взятъ и заплатилъ громадной выкупъ. Русскія войска побѣдоносно двинулись на самую Польшу и подступили къ Замостью. Но здѣсь Хмельницкій узналъ, что королемъ избранъ братъ Владислава, Янъ Казимиръ. Довольный этимъ выборомъ, Богданъ приказалъ отступить своимъ полкамъ отъ Замостья и двинулся на Украину. Торжественно возвращались русскія войска на родину. Хмельницкій во всѣхъ городахъ устраивалъ русское правленіе, изгоняя поляковъ за р. Случь, на границу Кіевского воеводства. Съ этого времени пошла въ народѣ поговорка: „знай ляше, що по Случь наше,“ Съ особеннымъ торжествомъ встрѣтили Хмельницкаго въ городѣ. При громѣ пушекъ въѣхалъ онъ чрезъ золотыя ворота въ Кіевъ. Въ Софійскомъ соборѣ духовенство пѣло молебень, народъ со слезами радости горячо молился.

Изъ Кіева Хмельницкій отправился въ Переяславъ, куда должны были прибыть королевскіе послы и куда уже явились послы изъ другихъ земель: отъ царя Алексѣя Михайловича, венгерскаго князя, турецкаго султана и друг. Всѣ поздравляли Хмельницкаго съ побѣдами, а другіе искали казачьей помощи. 9 февраля 1649 г. прибыли наконецъ польскіе послы и вручили Хмельницкому гетманскую булаву и знамя. Богданъ принялъ знаки своей власти съ почетомъ. Но въ толпѣ раздались голоса: „нащо вы, ляхи, принесли си цяцьки, знаемъ мы васъ, хочете опять насъ въ неволю приборкати.“ Хмельницкій остановилъ крикуновъ и пригласилъ даже пословъ на обѣдъ; но за тѣмъ круто оборвалъ выступившаго во главѣ посольства сладкорѣчиваго Киселя. „Шкода говорить,“ сказалъ онъ. „Бувъ часъ трактовать со мною, коли мене Потоцкій гонялъ за Днипромъ, и після жовтоводской и корсунькой играшки, и після Пилявець, и на остатокъ подъ Замостьемъ, когда я шель въ Кіевъ, а теперь уже часу не маешь, теперь, я доконавъ те, объ чимъ не мысливъ—докажу ще и те, що умысливъ. Выбью съ польской неволи народъ русскій на Украинѣ, Подоли, Волини по Холмъ, Галичъ и Львовъ; а ставши надъ Вислою скажу ляхамъ: сидить ляхи,—мовчить ляхи; а будутъ паны и за Вислою брыкаться, знайду и тамъ.“ Польскіе послы возвратились почти ни съ чѣмъ, заключивъ только условіе о перемирії до зеленыхъ святокъ или до Троицы.

Война была неизбѣжна. Варшавскій сеймъ не одо-

бриль и того, собственно говоря, не имѣвшаго никакого значенія, перемирія, которое заключено было въ Переяславѣ. Паны бушевали и ни за что не хотѣли отказаться ни отъ уніи, ни отъ порабощенія русскихъ. Объявлено посполитое рушенье. Самъ король двинулся въ походъ. Польскіе передовые отряды собрались подъ Сбаражемъ, въ Галиціи. 30 іюня 1649 г. появились предъ польскимъ лагеремъ казаки, прибылъ и ханъ крымскій. Поляки, слышавъ о громадной силѣ арміи Хмельницкаго, готовы были уже разбѣжаться, если бы ихъ не удержалъ князь Іеремія Вишневецкій. Благодаря тому же рѣшительному князю поляки могли на первыхъ порахъ дать сильный отпоръ русскимъ и заставили ихъ вести правильную осаду противъ ихъ окруженнаго окопами лагеря. Началась продолжительная, самая томительная для польскихъ войскъ осада. Ни днемъ, ни ночью казаки не давали неприятелю покоя и своими непрерывными нападеніями довели его до крайности. У пановъ не стало ни пороху, ни хлѣба. Войска питались падалью, фли собакамъ, кошечкѣ, мышей; а между тѣмъ русскіе насыпали кругомъ высокіе валы, съ которыхъ могли поражать врага почти на выборъ. Цѣлыя восемь недѣль тянулась осада. Поляки терпѣли всевозможныя бѣды и нѣсколько разъ готовы были сдаться; но мужественный Вишневецкій останавливалъ унывающихъ. Онъ удерживалъ ихъ просьбами, даже хитростью, обнадеживая, что не сегодня, завтра подойдет король и заставитъ русскихъ снять осаду. А Янъ Казимиръ, повидимому, и не догадывался въ какой бѣдѣ находился передовой отрядъ. Объявивъ

поголовное ополченіе (посполитое рушенье), король съ отрядомъ регулярнаго войска двинулся въ походъ; однако шель медленно, частію задерживаемый непогодою, а частію и медленностью сбора ополченія; такъ какъ польская шляхта въ такихъ случаяхъ обыкновенно не любила спѣшить. 5 августа король стоялъ подъ Сборовымъ и получивъ извѣстіе о положеніи осажденныхъ, далъ приказъ войскамъ выступить къ Сбаражу. Но Хмельницкій предупредилъ его. Оставивъ часть войскъ для продолженія осады Сбаражу, онъ съ главными силами и съ ханомъ крымскимъ выступилъ противъ короля. Незамѣтно онъ успѣлъ пробраться чрезъ лѣсъ, находившійся впереди Сборова и напалъ на польскія войска врасплохъ. Одни изъ нихъ, переправившись чрезъ рѣчку, возлѣ Сборова, отдыхали безопасно, другіе толпились на переправѣ. Козаки появились, какъ свѣтъ на голову. Произошла страшная сѣча; весь лугъ въ виду Сборова былъ устланъ трупами. Нѣсколько полковъ польскихъ были истреблены окончательно, другіе понесли громадныя потери. Король двинулся на помощь своимъ; но дѣло было потеряно. Русскіе и татары продолжали наносить поражение. Къ вечеру чуть не повторилось пилавское бѣгство. На другой день битва возобновилась еще съ большимъ ожесточеніемъ. Нападающіе заняли городъ, прорвали окопы въ польскомъ лагерѣ. Русскіе уже окружали короля, плѣнъ его былъ неизбѣженъ. Еще одна минута и Янъ Казимиръ попался бы въ руки неприятеля; но вдругъ раздался зычный голосъ Хмельницкаго: „згода.“ Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла казаки остановили на-

паденіе. Сѣча утихла. Хмельницкій спасъ короля отъ плѣна. Немецленно начались переговоры о мирѣ. Король подтвердилъ всѣ прежнія права и вольности казаковъ, дозволилъ имѣть 40 тысячъ реестровыхъ, обязался на всѣ должности въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскимъ воеводствахъ назначать только русскихъ людей. Въ мѣстахъ жительства казаковъ воспрещено размѣщеніе польскихъ войскъ, а также поселеніе евреевъ. По заключеніи мира, Хмельницкій, побывавъ у короля, отправился съ своимъ войскомъ къ Сбаражу и снялъ осаду. Татары ушли въ Крымъ, о рабавъ по пути и своихъ бывшихъ союзниковъ и недавнихъ враговъ, съ которыми они заключили миръ.

Новая война съ Поляками и поражение Русскихъ подъ Берестечкомъ.

Торжественно принимали Хмельницкаго въ Украинѣ, какъ виновника освобожденія Руси отъ „ляшской неволи.“ Всѣ ликовали, воспѣвая въ пѣсняхъ подвиги Богдана и его храбрыхъ войскъ. Въ другой разъ народный вождь торжественно въѣхалъ въ Кіевъ и прежде всего захотѣлъ излить свою душу въ молитвѣ Богу, поклониться святымъ гробамъ; горячо молился онъ, заливаясь слезами благодарности, и воздавая хвалу Всевышнему за дарованную побѣду. Не такъ встрѣтили короля въ Варшавѣ. Жители, не стѣняясь, кричали, что король посрамилъ честь польской націи, сдѣлавъ Польшу

данницею невѣрныхъ и игрушкою хлоповъ. Король, руководствуясь правиломъ, что оскорбленіе теряетъ свою силу, когда имъ пренебрегаютъ, оставлялъ безъ вниманія всѣ насмѣшки и оскорбленія, распространяемыя недовольными. Но скоро собрался польскій сеймъ, на которомъ уже гласно поднялись враждебные голоса противъ короля и главныхъ его совѣтниковъ при заключеніи сборовскихъ условій: Оссолинскаго и Киселя. Кіевскій митрополитъ, пріѣхавшій на сеймъ въ Варшаву, согласно сборовскимъ статьямъ, не былъ допущенъ на засѣданія сейма. Польскіе паны и не думали отказываться отъ притязаній на свободу русскаго народа. Хмельницкій зналъ обо всемъ, что говорится и дѣлается въ Варшавѣ, видѣлъ всю непрочность польскихъ обѣщаній, но тѣмъ не менѣе старался всѣми силами предотвратить новое кровопролитіе. Строго наблюдалъ онъ за точнымъ исполненіемъ сборовскаго трактата и даже казнилъ непокорныхъ казаковъ, которые нарушали условія этого трактата. Но усилія гетмана поддержать миръ разрушили скоро сами паны. Возвращаясь въ свои помѣстья, они приказывали мучить и сажать на колъ крестьянъ изъ одной мести за участіе въ возмущеніи. Поднялся вопль во всѣхъ концахъ Украины. „Прежнія бѣды рушатся на наши головы, плакались крестьяне, насъ опять начинаютъ мучить паны...“ „Вотъ вамъ образчикъ панской милости; не одолѣли насъ паны силою, такъ забрали въ руки лестью“, говорилъ одинъ священникъ къ сбѣжавшимся къ нему толпамъ крестьянъ. „Много насъ паны обижали, много мы пострадали отъ ихъ тиранства, а теперь мы

по доброй волѣ вложили свои головы въ ярмо. Лисица—звѣрь, и та не пойдетъ другой разъ въ капканъ. А человекъ на то и разумъ данъ, чтобъ разбиралъ свою бѣду и уходилъ отъ нея.“ Во всѣхъ концахъ обширной Руси народъ заволновался. Появились новые отряды вооруженныхъ крестьянъ, которые платили за панскія жестокости тою же монетою. Хмельницкій ясно увидѣлъ, что отстоять миръ немислимо. Да и поляки смотрѣли на сборовскій трактатъ, какъ на перемиріе, готовясь къ новому нападенію на русскія земли. Уже въ февралѣ 1651 г. начались стычки между отдѣльными отрядами. Хмельницкій издалъ универсалъ о войнѣ, а польскій сеймъ объявилъ посполитое рушенъе. Въ іюнѣ король и Хмельницкій встрѣтились при Берестечкѣ, Волынской губерніи. У поляковъ было, по сказанію современниковъ, до 300 тысячъ войска. Хмельницкій привелъ съ собою всего до 100 тысячъ, но рассчитывалъ на помощь крымскаго хана. Ханъ дѣйствительно скоро явился, но недовольный на Хмельницкаго, что онъ требовалъ его на помощь чрезъ турецкаго султана. Хитрый татаринъ не хотѣлъ послушаться султана, однако не имѣлъ большой охоты драться съ поляками. Онъ только думалъ, какъ бы выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Храбро выступили русскіе противъ непріятеля, татары двинулись вмѣстѣ съ ними; но, въ самый разгаръ боя ханъ закричалъ, что въ казацкомъ лагерѣ „измѣна“ и стремительно бросился бѣжать. Хмельницкій поспѣшилъ къ хану, чтобы уговорить его продолжать битву. Но ханъ и слышать не хотѣлъ никакихъ просьбъ и даже велѣлъ за-

держатъ самого Богдана. Между тѣмъ наступила страшная ночь въ русскомъ лагерѣ подъ Берестечкомъ. Дождь ливмья лилъ. Казаки съ нетерпѣніемъ ожидали Хмельницкаго, ожидая своей лагеря. Настало и утро; а Хмельницкаго все таки не было. Всѣ пришли въ смущеніе, не знали что предпринять. Въ то же время поляки открыли пальбу, окруживъ со всѣхъ сторонъ казацкій лагерь, упиравшійся въ непроходимое болото. Казаки очутились въ такомъ же положеніи, въ какомъ были поляки подъ Сбаражемъ. Десять дней они продержались въ такомъ положеніи и даже по временамъ дѣлали весьма успѣшныя вылазки. Но видя невозможность бороться дальше, они рѣшили устроить плотины чрезъ непроходимое болото и по нимъ спастись отъ неизбежной гибели. Ночью они изъ свитокъ, конскихъ попонъ и разной одежды устроили двѣ плотины и по нимъ стали перебираться на другую сторону болота. Настало утро; войско успѣло переправиться только на половину. Со всѣхъ сторонъ поляки повалили въ казацкій лагерь. Русскіе пришли въ ужасъ. Предъ растерянными толпами предсталъ въ архіерейской мантии митрополитъ Іоасафъ, сопровождавшій русское войско, онъ силился успокоить бѣгущихъ, но самъ палецъ отъ руки какого-то шляхтича. Поляки стали убивать всѣхъ на повалъ. Напрасно побѣжденные кричали: „милостивіи панове, на Бога гляньте, будемъ вирни“. Поляки никому не давали пощады и мучили несчастныхъ безъ состраданія. Русскіе толпами бросались въ воду и скорою смертию старались избавиться отъ мученій. Осталось въ живыхъ только триста человекъ, которые засѣли на неболь-

шомъ островѣ, на р. Стыри, и оборонялись цѣлый день. Сколько не подходили къ нимъ шляхтичи, козаки ловко палили въ нихъ и мѣтко задѣвали ихъ косами. Поляки послали депутата къ этимъ отчаяннымъ, для которыхъ не существовалъ страхъ смерти. Имъ предлагали пощаду. „Нѣтъ, паны, отвѣчали они, не проведете насъ обѣщаніями, жизнь намъ недорога, милостями вашими гнушаемся. Знайте, что свобода для казака дороже всего на свѣтѣ“. Поляки послали два полка противъ храбрцевъ, но они успѣли положить не мало непріятелей, пока наконецъ ихъ перебили. Оставался одинъ герой; онъ вскочилъ въ лодку и началъ отмахиваться косою; четырнадцать выстрѣловъ послали въ него, и все таки защищался храбрый казакъ. Король приказалъ сказать казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь. „Я гнушаюсь жизнью въ неволѣ, отвѣчалъ воинъ и хотѣлъ умереть, какъ истинный казакъ.“ Нѣсколько поляковъ вошли въ воду по колѣна и закололи храбреца копьями.

Богданъ Хмельницкій собираетъ съ силами и заключаетъ миръ съ поляками въ Бѣлоцеркви.

Послѣ несчастнаго берестечкаго сраженія торжествующее польское войско двинулось на русскія области. Началось страшное мщеніе. Запылали села и города. Люди предавались ужаснымъ пыткамъ и казнямъ. Войско казаковъ погибло въ лѣсахъ отъ голода или отъ руки враговъ. Не прасно изнеможеннымъ, умирающимъ отъ голода каза-

камъ предлагали непріятели пищу; несчастные предпочитали умирать въ агоніи отъ голода, чѣмъ оставаться жить въ неволѣ. Неистовства польскія вызвали страшное ожесточеніе въ народѣ. Русскіе сопротивлялись до послѣдней крайности, дорого продавали свою свободу. Даже женщины, вооруженныя рогаками и косами, ожесточенно сражались. Къ несчастію всѣ усилія были напрасны, среди народа не было его вождя. Хмельницкій, попавши въ руки хава, не могъ освободиться, пока не послалъ домой и ему не привезли потребованной за него крымскимъ ханомъ богатый окупъ. Отпущенный на свободу Хмельницкій пріѣхалъ въ Павлочь, гдѣ его ожидали страшныя вѣсти. Одинъ за другимъ являлись недобитки изъ подъ Берестечка и рассказывали о несчастіяхъ, постигшихъ русскія войска.

Но тутъ то Богданъ Хмельницкій показалъ все величіе своего духа. Съ веселымъ видомъ, смѣлою рѣчью онъ успокоивалъ окружающихъ, увѣряя ихъ, что еще не все потеряно, а самъ вслѣдъ за тѣмъ выпустилъ слѣдующій замѣчательный универсалъ: „Судьба не постоянна: она поднимаетъ вверхъ, кого потоптала; она помогла полякамъ, а скоро обратится къ козакамъ. Стоитъ только намъ начать войну и мы возвратимъ потерянное съ лихвою“. И дѣйствительно, народное движеніе поднялось съ новою силою. Плодовитая „матка казацкая“ Украина, говоритъ русскій лѣтописецъ, возродила козачество, какъ будто не было берестечкаго пораженія“. По всюду собирались толпы русскаго народа и клялись умереть, а

неподдаться врагамъ. Поселяне поднялись съ прежнею враждою противъ Поляковъ. Поднялась и вся украинна. Поляки скоро почувствовали ожесточеніе народное. Едва они начали подходить къ русскимъ землямъ, какъ уже ни за какія деньги не могли достать съѣстныхъ припасовъ. Во время похода на нихъ непрерывно нападали вооруженныя партіи русскихъ, въ виду ихъ отнимали возы лошадей, останавливали на переправахъ, ломали мосты. Тѣмъ не менѣе польскія войска двигались впередъ и собрались подъ Павлочыю. Тутъ поляковъ постигло большое несчастіе. Знаменитый польскій вождь Іеремія Вышневецкій, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ полководцевъ своего времени и вмѣстѣ самый лютый врагъ казаковъ, внезапно скончался. Поляки были страшно поражены этою смертію и не рѣшились напасть на собравшіеся снова казачьи полки подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Похоронивъ Вышневецкаго, поляки хотѣли мирно вступить въ мѣстечко Трилѣсы. Послали жителямъ объявить прощеніе и пощаду, если впустятъ войско. Но жители и слышать не хотѣли о сдачѣ; все мѣстечко было огорожено валомъ и толстымъ дубовымъ заборомъ; на заборѣ сидѣли люди обоого пола, вооруженные разными орудіями и военными и домашними. „Покоритесь вы намъ ляхи, не морите соби коней, бо ни на чемъ буде до Кракова утукать“, кричали они. Вслѣдъ затѣмъ раздался залпъ по нападавшимъ. Потоцкій двинулъ войска; русскимъ грозила неизбежная гибель; но ни одна живая душа и не думала просить милосердія. Посланные объявили рус-

скимъ: „Гетманъ не желаетъ васъ губить, опомнитесь, покоритесь, „говорили польскіе посланцы“. „Убирайтесь къ чорту ляхи, се вже не ваша земля“. Поляки, ожесточенные упорствомъ русскихъ, начали кононаду, проламали тройной заборъ и ворвались въ мѣстечко. Съ ожесточеніемъ оборонялись русскіе, женщины поражали враговъ рогачами и косами. Но Трилѣсы были взяты. Желѣзное упорство жителей привело въ бѣшенство побѣдителей: они умерщвляли младенцевъ; потому что никто изъ взрослыхъ не удался живой. Трилѣсы какъ не было. Жителей въ мѣстечкѣ погибло болѣе двухъ тысячъ.

Между тѣмъ какъ польское храброе войско подъ начальствомъ Потоцкаго управлялось съ горстью отчаянныхъ русскихъ, изъ-за Днѣпра подходила другая польская армія, подъ начальствомъ Радзивила. Но сошедшіяся въ кievскомъ воеводствѣ польскія войска были изумлены, встрѣтивъ Хмельницкаго, окруженнаго значительными силами, совершенно готоваго дать отпоръ незванымъ гостямъ. Ожесточеніе русскаго народа не на шутку пугало пановъ. Они сильно желали мира. Хмельницкій съ своей стороны не считалъ возможнымъ вступить въ бой. Такое настроеніе двухъ враждебныхъ армій повело къ миру, который и заключенъ въ концѣ 1652 года въ Вѣлой-Церкви. Условія были, правда, не такъ выгодны, какъ сборовскія, но тѣмъ не менѣе были весьма важны для русскихъ; потому что давали имъ возможность отдохнуть и собраться съ силами для новой борьбы.

Возобновленіе борьбы съ поляками. Пораженіе поляковъ при Батогѣ, Монастырищѣ и при Жванцѣ.

Бѣлоцерковскій трактатъ возвращалъ Малороссію къ тому печальному положенію, которое она испытывала до 1648 г. Четырехлѣтніе труды, потери народа, опустошеніе Руси не вознаграждалось ничемъ. Снова возвращались паны въ свои владѣнія. Начались тѣ-же польскіе порядки, которые вызвали народное возстаніе. Польское войско, по смерти гетмана Потоцкаго, подъ главнымъ начальствомъ Калиновскаго, стояло у Винницы и оказывало покровительство стекавшимся на свои пепелища польскимъ панамъ. Но поднѣстрыне и бужане слышать не хотѣли о мирѣ и о подчиненіи панамъ. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четверговалъ, жегъ медленнымъ огнемъ. „И были слышны въ народѣ, говоритъ лѣтописецъ, вопль и воздыханіе и ропоть на Хмельницкаго“. Не видя ни откуда спасенія жители Малороссіи цѣлыми массами двинулись въ Московское государство. Менѣе чѣмъ вполгода появились на границѣ Московскаго государства слободы и богатія мѣстечки, а впоследствии цѣлые города: Сумы, Лебединь, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и друг. Въ числѣ слободъ былъ и нынѣшній Харьковъ. Между тѣмъ въ Малороссіи народъ продолжалъ волноваться. Хмельникій принужденъ былъ принимать крестьянъ въ свои войска и вопреки условію бѣлоцерковскому успѣлъ собрать до сорока тыс. реестровыхъ казаковъ. Калиновскій, узнавъ

объ этомъ, написалъ грозное письмо гетьману. Хмельникій для того, чтобы хотя сколько нибудь отстрочить военныя дѣйствія со стороны поляковъ, старался представить доказательства своей покорности; но Калиновскій не унимался и выступилъ противъ сына Хмельницкаго, который въ сопровожденіи войска отправлялся свататься на дочери Молдавскаго государя. Подъ Батогомъ, возлѣ Буга, Калиновскій напалъ на русскія войска. Но погнавшись за передовымъ козачьимъ отрядомъ, онъ самъ попалъ въ бѣду. Тимофей Хмельникій напалъ на него съ тылу и разгромилъ поставленный вдали отъ войска польскій отрядъ. Оставшіеся въ живыхъ поляки бѣжали въ обозъ и объявили, что за ними гонится сто тысячъ козаковъ. Смятеніе и страхъ охватилъ польское войско. Оно обратилось въ бѣгство. Калиновскій въ бѣшенствѣ приказалъ стрѣлять въ своихъ. Грянулъ залпъ. Тучи картечь и пуль повалили ряды бѣгущихъ поляковъ; началось междуусобное сраженіе. А между тѣмъ въ обозѣ произошелъ пожаръ. Въ это время появились казаки и съ страшнымъ крикомъ бросились на поляковъ. Конница, еще не пришедшая въ память отъ своихъ же пуль и картечь, окончательно пришла въ разстройство вслѣдствіе внезапнаго нападенія козаковъ и бросилась въ разсыпную. Повсюду поражали русскіе, и густыя толпы поляковъ, словно робкое стадо, по словамъ современника, летѣли въ р. Бугъ. Нѣскольکو тысячъ утонуло въ одно мгновеніе. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото, казаки гонялись за ними, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Калиновскій бросился

въ толпу непріятели и погибъ на полѣ сраженія. Нѣмецкая наемная пѣхота, состоявшая изъ восьми полковъ, рѣшилась защищаться отъ казаковъ до послѣдней крайности; но окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь казаками, положила оружіе. Двадцать тысячъ поляковъ погибло въ батогской битвѣ. Кромѣ Калиновскаго, палъ на полѣ сраженія подававшій большія надежды братъ будущаго короля Яна Собѣскаго — Марко Собѣскій. Казаки безъ всякаго милосердія истребляли враговъ: „оце вамъ Берестечко, оце вамъ Трилисы, оце вамъ за унію“ приговаривали русскіе, избивая съ ожесточеніемъ непріятели. Нѣкоторые поляки, чтобы избавиться отъ смерти, одѣвались въ женское платье и уходили вмѣстѣ съ татарками, другіе намазывали порохомъ лице, третьи прятались по шею въ тинѣ. Немногіе перешли Бугъ, но и тѣ истреблены на другой сторонѣ рѣки.

Въ отмщеніе за батогское пораженіе весной 1643 г., когда еще замерзшія рѣки и болота способствовали удобному и прямому пути для вояска, польскій полководецъ Чарнецкій бросился на Брацлавщину, истребляя всѣ селенія на пути. Въ м. Погребищѣ была тогда многочисленная ярмарка. Вдругъ Чарнецкій появился неожиданно среди народа. Русскіе были перерѣзаны всѣ безъ изыятія съ такимъ варварствомъ, что самые современные польскіе писатели вспоминаютъ объ этомъ обстоятельстве съ ужасомъ. Хмельницкій послалъ противъ врага полковника Богуну, который занялъ Монастырище. По-

ляки осадили Монастырище и зажгли уже замокъ въ этомъ мѣстечкѣ. Богуну оставалось только сдаться; но онъ приказалъ казакамъ защищать мѣстечко до послѣдней крайности, а самъ бросился изъ замка и напалъ на поляковъ съ тылу. Вдругъ стрѣла пронизала щеку самому Чарнецкому; онъ упалъ безъ чувствъ. Въ довершеніе замѣшательства позади раздался крикъ: „орда идетъ“. Поляки обратились въ бѣгство, покинувъ возы съ безчисленною добычею, награбленною Чарнецкимъ. Не осталось ни одного поляка вблизи Монастырища. Хмельницкій, подошедшій въ это время съ своими полками, очень смѣялся надъ поляками, которые убоились страха тамъ, гдѣ, собственно говоря, не могло быть никакого страха; такъ какъ польскія войски легко могли помѣряться силами съ казаками.

Поляки послѣ этого собрали значительное войско у Жванца, возлѣ Каменца. Самъ король находился при этомъ войскѣ. Хмельницкій, соединившись съ татарами напалъ на поляковъ и скоро привелъ ихъ въ такое же положеніе, какъ подъ Сбаражемъ. Поляки однако, благодаря вѣроломству татаръ, сумѣли выпутаться изъ бѣды. Въ самую критическую минуту они постарались съ ханомъ крымскимъ заключить миръ, заплативъ значительную дань и отдавъ на расхищеніе татарамъ русскія области. Хмельницкій долженъ былъ уступить, довольствуясь пока тѣмъ, что поляки обѣщали хану подтвердить сборовскія статьи.

Возсоединеніе Малороссіи съ Россією. Переяславльская рада. Новыя нападенія и пораженія поляковъ.

Въ грустномъ раздумьи возвращался домой Хмельницкій изъ подъ Жванца. Его огорчала жестокость пановъ, обрекшихъ русскій народъ на расхищеніе татарамъ. Онъ ясно видѣлъ, что съ польскими панами не можетъ быть мира. Въ то же время предательство татаръ приводило гетмана въ отчаяніе. Единственная надежда на единовѣрнаго и единоплеменнаго государя Московскаго думалъ Хмельницкій. Но изъ Москвы, несмотря на всѣ мольбы въ теченіи шести лѣтъ, не было рѣшительнаго отвѣта. А между тѣмъ въ Москвѣ въ это самое время (1 октября 1653 г.) происходило великое событіе. Столица кипѣла множествомъ народа, прибывшаго со всѣхъ концовъ государства, по вызову Царя, на великій земскій соборъ. Въ день, назначенный для открытія собора, царь Алексѣй Михайловичъ слушалъ обѣдню въ церкви Покрова пресв. Богородицы. Потомъ осѣняемый хорурвьями и образами, при громѣ колоколовъ, царь прибылъ въ грановитую палату, гдѣ и открылъ соборъ, созванный для разсмотрѣнія просьбы Богдана Хмельницкаго о принятіи въ подданство.

Съ открытіемъ собора думный дякъ прочиталъ статьи о польскихъ обидахъ и неправдахъ и объ угнетеніи единоплеменнаго южно-русскаго народа, а также просьбу Хмельницкаго отъ имени всего этого народа о

принятіи въ подданство великаго государя. По окончаніи чтенія началось отбирание голосовъ и мнѣній. Всѣ единогласно высказались въ пользу возсоединенія русскаго народа и объявленія войны полякамъ, а многіе заявили желаніе учавствовать въ общемъ дѣлѣ пожертвованіями; служилые люди говорили, что они готовы головы положить за честь государя. Положено послать пословъ въ Переяславъ и во всѣ малороссійскіе города для принятія присяги на подданство отъ гетмана и отъ всѣхъ жителей. Послы прибыли въ Переяславъ, 31 декабря 1653 года. Переяславскій полковникъ Тетеря встрѣтилъ ихъ за пять верстъ отъ города съ большимъ почетомъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Переяславъ и самъ гетманъ со всей казачьей старшиной. 8 января 1654 г. въ г. Переяславѣ происходило большое торжество. Собралась рада. Гетманъ обратился къ собранію и сказалъ: „Вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ отъ рукъ враговъ, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобы и имя русскихъ исчезло въ нашей землѣ. Невозможно намъ жить безъ царя. Выбирайте же кого хотите: первый царь—турецкій зоветъ насъ подъ свою власть, второй—ханъ крымскій, третій—король польскій, четвертый—царь православный великой Руси. Но царь турецкій бусурманъ; крымскій ханъ тоже бусурманъ и мы вытерпѣли отъ него не мало бѣдъ. Объ угнетеніяхъ отъ пановъ польскихъ нечего и говорить. Вы знали, что они считали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіанина. А православный царь восточный одного съ нами благочестія,

мы съ православіемъ великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главою Иисуса Христа. Этотъ-то великій царь не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь милостивое царское сердце къ намъ. Возлюбимъ его съ усердіемъ. Кромѣ его царской руки мы не найдемъ другаго благодѣшнѣйшаго пристанища“. Выслушавъ эту рѣчь, тысячи голосовъ ствѣчали: Волимъ подъ царя восточнаго. Переяславскій полковникъ Тетеря началъ всѣхъ обходить и спрашивать: „чи вси такъ соизволяете?“. „Вси“, кричалъ народъ. Тогда гетманъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ Его царскою крѣпкою рукою. Боже утврди, Боже укрѣпи, да мы на вѣки будемъ вси едино“, молились народныя массы. Затѣмъ прочитаны были условія воссоединенія, а гетманъ, вся старшина и народъ выполнили присягу на вѣрность подданства государю. Такой же порядокъ присяги выполненъ былъ и въ другихъ городахъ. Въ особенности торжественно встрѣтили пословъ въ Кіевѣ. Звонили въ колокола. Все духовенство, граждане и войско вышло на встрѣчу. Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ говорилъ привѣтственную рѣчь и отслужилъ торжественный молебенъ, затѣмъ выполнена присяга. „По всей Украинѣ, пишетъ современникъ, весь народъ присягалъ съ охотою и не малая радость стала межъ людей“.

Такъ совершилось великое событіе въ исторіи русскаго народа, имѣвшее громадное вліяніе на судьбу его. Двѣ единокровныя отрасли русскаго племени, разорван-

ныя почти 300 лѣтъ, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, снова соединились въ одинъ великій народъ; двѣ Россіи, великая и малая, составили одно государство. Въ этомъ дѣлѣ великая, не умирающая заслуга Хмельницкаго. Ему, можно сказать, русскій народъ обязанъ своею свободою и своимъ могуществомъ. Но скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Трудно было сразу разсчитаться съ польскими панами. Они уже слишкомъ сжились съ роскошью и полюбили жить на счетъ труда русскаго „хлопа“, почему и не могли вдругъ примириться съ потерей рабовъ, да еще и въ такой благодатной странѣ, какъ Украина. Турки и Татары также враждебно смотрѣли на усиленіе русскаго государства; они какъ бы предчувствовали, что судьба ихъ будетъ со временемъ зависѣть отъ воли Русскихъ Самодержцевъ и что навсегда придется попроситься съ тѣмъ живымъ товаромъ, русскими хлопами, которые хорошо цѣнились на константинопольскихъ рынкахъ. Не могъ нравиться такой поворотъ дѣлъ и іезуитамъ, уже успѣвшимъ свить себѣ теплыя гнѣзда въ самомъ центрѣ православія, въ Кіевѣ. Едва только разнесся слухъ о воссоединеніи русскаго народа, какъ поляки завязали дѣятельныя сношенія съ турками и татарами. Состоялся польско-татарско-турецкій союзъ противъ Россіи. Рѣшено немедленно начать войну. Потоцкій вмѣстѣ съ Чарнецкимъ двинулись въ Подолію для покоренія отпавшихъ городовъ. Но русскій народъ не хотѣлъ и слышать о возвращеніи въ неволю и бѣжалъ изъ своихъ жилищъ, которыя немедленно были истребляемы и сожигаемы по-

ляками. Несчастные бѣглецы собрались и рѣшились дать отпоръ непріятелю въ мѣстечкѣ Буши (нынѣ м. Яруга при впаденіи рѣчекъ Мурахвы и Буши въ Днѣстръ, Подольской губерніи). Мѣстечко укрѣплено было валами и высокими скалами, а съ одной стороны защищено огромнымъ прудомъ. До 16-ти тысячъ народа укрылось въ этомъ укрѣпленіи подъ защитою подольскихъ казаковъ или какъ ихъ называлъ народъ, левенцовъ. Русскіе храбро защищались противъ непріятеля, но Чарнецкій съ значительными силами ворвался въ Бушу. Жители въ тылу его отряда зажгли свои дома, а спереди бросились на отважнаго врага съ оружіемъ, косами, рогатинами и дубинами. Поляки очутились какъ въ огнѣ, множество пало ихъ на мѣстѣ, самъ Чарнецкій съ прострѣленною ногою едва успѣлъ выскочить изъ Буши. Тогда все сорокатысячное польское войско двинулось на штурмъ. Долго всѣ усилія поляковъ были напрасны. Русскіе защищались, какъ львы. Буша была невредима, пока Чарнецкій не примѣтилъ, что можно спутить воду изъ пруда и что тогда не трудно будетъ проникнуть въ мѣстечко. Поляки вторглись въ Бушу. Тогда русскіе, не видя спасенія, зажгли дома и сами начали убивать другъ друга, чтобъ не доставаться въ руки врагамъ. Жена убитаго сотника Завистного сбѣла на бочку пороку и сказавши, что не желаетъ послѣ милаго мужа доставаться игрушкой полякамъ, подожгла порохъ и взлетѣла на воздухъ. По ея примѣру, женщины бросали дѣтей въ огонь и въ колодцы и сами кидались за ними. Погибло все населеніе Буши. Только семьдесятъ женщинъ скрылись въ

пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Къ несчастію бѣжавшія потеряли во время бѣгства свои намитки. Поляки выслѣдили несчастныхъ. „Сдавайтесь, не губите себя напрасно“, кричали они. Изъ пещеры отвѣчали выстрѣлами. Поляки отвели изъ находящаго вблизи источника воду и направили ее въ пещеру. Женщины потонули, но ни одна не отдалась въ руки побѣдителей.

Такъ умирали русскіе, когда Богданъ Хмельницкій, только что узнавши о нападеніи поляковъ, выступилъ вмѣстѣ съ московскими полками въ походъ противъ непріятеля, уже успѣвшаго призвать къ себѣ на помощь татаръ. Въ то же время самъ царь Алексѣй Михайловичъ взялъ Смоленскъ, Полоцкъ, Могилевъ на Днѣпрѣ, Минскъ, Ковно и наконецъ самую Вильну. Познань и Варшава сдались королю шведскому, напавшему на Польшу съ сѣвера. Король Янъ Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Русскіе подъ начальствомъ Хмельницкаго и боярина Бутурлина побѣдоносно прошли всю Украйну и подъ самымъ Львовомъ нанесли полякамъ страшное пораженіе. На пановъ напалъ панической страхъ, они бѣжали, сломя голову, бросивъ артиллерію, знамена, ружья и всѣ воинскіе запасы.

Польша, повидимому, совершенно погибала; однако польскіе паны, руководимые іезуитами, придумали хитрый планъ. Они предложили Алексѣю Михайловичу польскую корону и успѣли склонить его къ миру. Миръ былъ заключенъ на весьма выгодныхъ для русскихъ условіяхъ, но нужно правду сказать, не кстати и не во время. Хмельницкій, узнавъ

о такомъ рѣшеніи дѣла, страшно огорчился. И не удивительно! Зная поляковъ, онъ хорошо понималъ, что значать ихъ обѣщанія и для чего имъ нуженъ миръ. И въ самомъ дѣлѣ, прекращеніе военныхъ дѣйствій имѣло для Малороссіи печальныя послѣдствія. Поляки получили возможность справиться со Шведами, потомъ собраться съ силами, отдохнуть и опять взяться за поработеніе русскихъ. Предчувствіе гетмана не обмануло; но ему не суждено было дожить до новыхъ бѣдствій своего роднаго края.

Предсмертныя распоряженія и кончина Богдана Хмельницкаго.

Огорченія, а главное десятилѣтніе труды окончательно разстроили крѣпкое здоровье Богдана. Уже съ началомъ 1657 г. онъ началъ болѣть. Поговаривали, что гетманъ отравленъ заѣзжимъ полякомъ, сватавшимся на его дочери. Но и безъ отравы, было отъ чего разрушиться могучему здоровью Хмельницкаго. Съ весной зазеленѣли поля, зацвѣли сады, ожила вся природа; не возстановлялись только увядшія силы Богдана. Чувствуя приближеніе кончины, онъ велѣлъ собрать раду. Больнаго гетмана вывели на раду подъ руки. Слабымъ голосомъ онъ прощался съ своими сподвижниками и народомъ и совѣтовалъ выбрать новаго гетмана. Хмельницкій указалъ на старыхъ опытныхъ казацкихъ старшинъ, какъ на людей въ особенности достойныхъ гетманской булавы. Но рада, во вниманіе къ

заслугамъ стараго гетмана, выбрала его сына Юрія. Хмельницкій былъ тронутъ такою любовью народа. Слезы текли по щекамъ старика. Онъ благодарилъ; но отказывался, говоря, что для такого труднаго времени Юрій слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы быть гетманомъ. Рада стояла на своемъ. Хмельницкій уступилъ и, позвалъ сына, завѣщавъ ему служить отечеству вѣрно, блюсти его, какъ зеницу ока и не нарушать вѣрности Государю. Затѣмъ онъ передалъ Юрію знаки гетманскаго достоинства, а казаки по обычаю прикрыли новаго гетмана шапками и знаменами.

Не долго послѣ этаго жилъ Хмельницкій. 27 іюля 1657 г. выстрѣлъ изъ ломовой пушки возвѣстилъ о смерти его. Плачъ и рыданіе наполнили воздухъ. „То не чорна хмара ясне солнце заступала, плачется народная пѣсня, не буйныи витри въ темнимъ лузи буншевали, казаки Хмельницкаго ховали, батька своего оплакивали“.

Похоронили Хмельницкаго въ построенной имъ каменной церкви того самаго Субботова, изъ за котораго началась достопамятная война, освободившая Украину отъ ляхской неволи и сдѣлавшая имя виновника этого освобожденія дорогимъ для великой и малой Россіи. Но и по смерти поляки не остававили въ покоѣ праха Хмельницкаго. Шесть лѣтъ спустя, Чарнецкій, взявши Субботовъ, велѣлъ вырыть и выбросить изъ могилы кости покойнаго гетмана, завершивъ тѣмъ, какъ прибавляетъ украинскій историкъ: „варварское и подлое надъ мертвымъ пору-

ганіе". Скоро однако ругатели опять изгнаны,—и Малороссія въ единеніи съ великою Россією обрѣла миръ и благосостояніе.

Въ настоящее время въ Кіевѣ, на Софійской площади воз. вигается памятникъ Богдану. Его строитъ благодарная Россія тому, въ комъ она нашла втораго Минина и Пожарскаго. Да будетъ же этотъ памятникъ на всѣ времена видимымъ знакомъ вѣчной благодарности, да будетъ онъ символомъ единства русскаго народа, сѣумѣвшаго грудью отстоять свое единство, свою самобытность, символомъ всѣхъ чаяній и надеждъ, возлагаемыхъ на Россію искони угнетеннымъ иноплеменниками многострадальнымъ славянскимъ племенемъ.

ВЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ

Книжномъ Магазинѣ Редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря

(Кіевъ, крещатикъ, д. Клугъ)

продаются слѣдующія книги:

Школа рисованія иль русскихъ типовъ и видовъ Н. Мурашко, въ пяти выпускахъ, цѣна 1 руб.

Школа черченія и рисованія для народныхъ училищъ по клѣткамъ, по системѣ Фребеля; цѣна за выпускъ 6 коп., за всѣ четыре выпуска 24 коп.

Образцы чертежей и рисунковъ по клѣткамъ, по системѣ Фребели на лучшей бумагѣ, цѣна за выпускъ 10 к. за все изданіе 40 к.

Сборникъ ариометическихъ задачъ Буссе, ц. 20 коп.

Ариометическій задачникъ, заключающій въ себѣ данныя, преимущественно изъ сельскаго хозяйства, Т. Лубенца, изд. 2-е. Одобр. ученымъ Комит. Мин. Народн. Просвѣщ., ц. 15 коп.

Таблица мѣръ и вѣсовъ, составленная учителемъ Т. Лубенцомъ для класснаго употребленія, цѣна 6 коп.

Химическія бесѣды, общепонятное изложеніе химическихъ свѣдѣній, съ 127 полигонажными рисунками, М. Константиновича. Одобрено учин. Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщ., Изд. 2-е ц. 1 руб. 20 коп.

Бережь и Трудъ (краткое руководство Политической Экономіи) Тизенгаузена, ц. 40 коп.

Избранныя басни Крылова съ жизнеописаніемъ и съ подстрочнымъ объясненіемъ словъ и выраженій, ц. 10 к.

Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ на современный русскій языкъ, съ объясненіями и примѣчаніями М. А. Максимовича, ц. 15 коп.

Золотая руда не замѣнитъ труда, сказка въ стихахъ, ц. 5 к.

Повѣсть о Богданѣ Хмельницкомъ. Ц. 10 коп.

Жизнь животныхъ и растений изданіе 2-е, ц. 15 коп.

Похвальные листы съ изображеніемъ Славянскихъ первоучителей Кирила и Меодія, на золотомъ фонѣ; цѣна 10 коп.

